

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОГО ЛОКАЛЬНОГО АКТИВИЗМА В РОССИИ

Анна Александровна Желнина^а (azhelnina@gmail.com),
Елена Валерьевна Тыканова^б (elenatykanova@gmail.com)

^аНИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге; Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

^бСоциологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Желнина А.А., Тыканова Е.В. (2019) Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(1): 162–192. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>

Аннотация. Предпринята попытка анализа академической дискуссии вокруг локального активизма в современной России в области оспаривания городских территорий, а также выявления специфики российского городского активизма в международном контексте. Авторы отказываются от традиционного описания российских городских процессов в «постсоветской» и «постсоциалистической» риторике и сопоставляют результаты российских исследований с тем, как городской локальный активизм описывается и теоретизируется в городах глобального Севера и глобального Юга. На основании проведенного исследования, авторы предлагают новое понятие «гражданские инфраструктуры», наиболее релевантное для анализа городского локального активизма, а также различают «формальные» и «неформальные» гражданские инфраструктуры. Под формальными гражданскими инфраструктурами понимаются юридически закрепленные инструменты участия, доступные гражданам, такие как голосование, участие в добровольных организациях, муниципальное самоуправление, самоорганизация и кооперация собственников жилья, партиципаторное бюджетирование. Неформальные гражданские инфраструктуры включают в себя неформальные объединения, сети знакомых и друзей, а также мировоззрения и идеи обычных горожан, ориентированные на создание и поддержание некоего общего блага. Авторы следуют общему определению инфраструктуры как совокупности технологий и практик, обеспечивающих функционирование системы, в данном случае системы гражданского участия в городском управлении.

Авторы приходят к выводу, что в ходе постепенно увеличивающихся драматических случаев оспаривания городского пространства в современной России пара-

доксальным образом развиваются неформальные гражданские инфраструктуры. Все более выраженными становятся мировоззрение, субъектность и политизированность горожан, готовых принимать активное участие в судьбе своих городов. В то же время формальные гражданские инфраструктуры не предоставляют гражданам адекватных возможностей для такого участия. На основе «стратегической интеракционной перспективы» авторы предлагают комплексную модель изучения городского локального активизма в России, чувствительную к взаимодействию игроков, вовлеченных в процессы трансформации городских территорий, и интеграции формальных и неформальных гражданских инфраструктур, которые могли бы выступить в качестве основы успешного функционирования гражданского общества и эффективного решения городских конфликтов.

Ключевые слова: городское пространство, городской локальный активизм, коллективное действие, неформальность, гражданские инфраструктуры, интерактивный подход.

Введение

Многие исследователи отсчитывают новую эпоху в развитии гражданского общества в России начиная с массовых протестов против монетизации льгот в середине 2000-х годов. С этого времени число и интенсивность протестных действий в российских регионах растет. Их предметом становятся защита трудовых прав рабочих, жилищные вопросы, а также выступления граждан против несогласованного вмешательства в городскую среду (против уплотнительной застройки, вырубки зеленых насаждений, в защиту исторических и архитектурных памятников) (Клеман, Мирясова, Демидов 2010). Городские общественные движения зачастую привлекают участников без опыта гражданского сопротивления, которые впервые становятся игроками на политическом поле, создают новые сети активистов и репертуары борьбы.

Коллективные протесты горожан в России описаны уже в исследованиях 1990-х годов, в первую очередь жилищные движения в Москве (Pickvance 1994, Шомина 1995). Мы можем с уверенностью утверждать, что исследования городского локального активизма заняли прочное место в российских социальных и политических науках. К середине 2018 г. нам удалось обнаружить около 150 научных работ, прямо или опосредованно посвященных низовому коллективному действию горожан. Тематика этих публикаций охватывает широкий спектр сюжетов, среди которых политизация, визуальные репрезентации, типы участников, политический, экономический и социальный контекст и предпосылки, коммуникативные аспекты, последующие эффекты городского локального активизма.

Цель нашей статьи — проанализировать многообразие академической дискуссии об оспаривании городских территорий и локальном активизме

в современной России, выявить особенности российского городского активизма, сопоставив результаты российских исследований с тем, как сходные процессы описываются и теоретизируются в городах глобального Севера и глобального Юга. На основании проведенного исследования мы предлагаем понятие «гражданские инфраструктуры» для анализа городского локального активизма, а также различаем «формальные» и «неформальные» гражданские инфраструктуры.

Под локальным активизмом мы понимаем коллективные действия горожан, их самоорганизацию для участия в городском управлении, в том числе направленную на предотвращение нежелательного развития городских территорий (уплотнительная застройка придомовых территорий, вырубка зеленых насаждений в городских парках и скверах, реконструкция, реставрация, снос зданий). Анализ локального активизма, однако, редко ограничивается исследованием действий самих горожан, непосредственно вовлеченных в конфликт, в той или иной форме он всегда предполагает внимание к роли государства, а также к структурам гражданского общества, или гражданским инфраструктурам, к которым горожане имеют доступ.

Гражданские инфраструктуры: формальные и неформальные основы участия горожан в процессах городского развития

Современная теория общественного участия создавалась преимущественно для описания и объяснения развитых демократий: классические работы о гражданском участии описывали города и сообщества на глобальном Севере, в Северной Америке и странах Западной Европы (Almond, Verba 1965; Barber 1984; Putnam 1993). Такое происхождение обусловило выбор исследовательской оптики, используемой для анализа и оценки состояния гражданского общества: видимые проявления активизма, членство в добровольных ассоциациях, участие в выборах, выбор стратегий общественными движениями, роль лидеров, эффективность коллективных действия оказывались в фокусе чаще, чем вопрос о том, почему горожане мобилизуются для защиты своих интересов именно в такой форме. В последние десятилетия исследователи гражданского общества в странах развитой демократии столкнулись со спадом привычной им гражданской активности, который заставил некоторых из них говорить о кризисе гражданского общества (Furedi 1999; Putnam 2001). Однако параллельно с пессимистическими работами, фиксирующими упадок традиционных форм гражданского общества (членство в добровольных ассоциациях, волонтерство, участие в выборах), появились новые исследования, демонстрирующие не спад, а трансформацию гражданской актив-

ности — переориентацию граждан на менее формальные, а потому менее заметные традиционным исследовательским оптикам форматы. Формальная политика для горожан становится заметно менее привлекательной и интересной, чем новые креативные неформальные коллективные практики (Dalton 2008; Pilkington and Pollock 2015).

Внимание к неформальным практикам приобрело особую актуальность благодаря буму исследований гражданского общества в странах так называемого глобального Юга: свидетельства из Латинской Америки, Африки и Юго-Восточной Азии привели к «неформальному повороту» в социальных и политических науках. В сфере изучения гражданского активизма эти материалы подорвали классические основы: благодаря им стало окончательно понятно, что привычные для демократических стран глобального Севера форматы гражданского участия — лишь одна, и даже не самая широко распространенная разновидность гражданского общества. Коллективное действие, как показывают эти работы, может развиваться в условиях забвения государством, чтобы компенсировать его провалы, или в дополнение (или вопреки) к существующим формальным институтам (Holston 2008; Murphy 2015).

Таким образом, в исследованиях гражданского активизма прослеживаются две основных оси: изучение формальных демократических инструментов участия граждан, доминирующих на глобальном Севере, и изучение неформальных связей и практик, которые позволяют гражданам отстаивать свои права в отсутствие вышеуказанных институтов, получившие особо яркое развитие на глобальном Юге. Вопрос, интересующий нас, — куда на этой глобальной карте гражданского участия поместить российский локальный активизм?

Как правило, специфику городского развития в России (и на территории части стран Восточной Европы) исследователи склонны описывать, апеллируя к постсоветскому или постсоциалистическому опыту, имеющему прямые/косвенные последствия — «след» советского прошлого (как политического, так и в области пространственного развития) или же попросту для технического обозначения временного периода после распада Советского Союза. Так, под лейблом «постсоветского» или «постсоциалистического» города социальные ученые изучают траектории трансформации пространства (Rudolph, Brade 2005; Molodikova, Makhrova 2007; Kinossian 2006; Breslavsky 2012; Kelly 2015; Anokhin et al. 2017), планировочные модели (Zupan 2015), низовую самоорганизацию горожан (Hahn 2004; Tykanova, Khokhlova 2013) и жилищные изменения (Badyina 2012; Zubovich 2015, Карбаинов 2018; Axenov et al. 2018) российских городов.

Мы сознательно отказываемся от использования постсоветского (постсоциалистического) фрейма для обсуждения городского активизма; имплицитно мы отказываемся и от других региональных делений, включая глобальный Север и глобальный Юг, фокусируясь на содержательных характеристиках, которые, хотя и в разной степени, проявляются в локальном активизме в городах на разных континентах. Ключевое понятие, которое позволит нам это сделать, — *гражданские инфраструктуры*. Оно включает в себя как формально демократические инструменты участия, юридические нормы, так и неформальные практики, сети, идейные представления горожан, которые позволяют им играть роль участников процесса развития городских территорий.

Исследования гражданского общества в городах глобального Севера традиционно концентрировались на том, что мы называем *формальными гражданскими инфраструктурами*: это формальные, юридически закрепленные инструменты участия, доступные гражданам, такие как голосование, участие в добровольных организациях, муниципальное самоуправление, самоорганизация и кооперация собственников жилья, партиципаторное бюджетирование и т.п. Эти инструменты регулируют отношения граждан и государственных органов управления. В то же время новейшие исследования гражданского общества, в том числе в городах глобального Юга, демонстрируют, что формальные структуры дополняются, а иногда и полностью замещаются неформальными сетями и отношениями гражданской самоорганизации: *неформальными гражданскими инфраструктурами*. Самоорганизация, не попадающая в поле зрения традиционных исследований, включает неформальные объединения, сети знакомых и друзей, которые тем не менее фокусируются на создании и поддержании некоего общего блага. Важный элемент неформальных инфраструктур — это сами граждане, активисты и поддерживающие их люди, которые разделяют определенное видение своего места в системе городского управления, видение своих прав и возможностей повлиять на свою окружающую среду. В таблице 1 суммируется соотношение гражданских и государственных инфраструктур городского управления, в их формальном и неформальном измерении.

Следует отметить, что горожане также могут вовлекаться в коррупционные и неформальные отношения с другими игроками. Как правило, данный сюжет практически не представлен в релевантной академической дискуссии вокруг исследований городского локального активизма.

Важно подчеркнуть, что неформальность присутствует как в повседневности и гражданской активности горожан, так и в деятельности других игроков: бизнес-структур и органов государственного управления. Один из

Таблица 1

Измерения государственных и гражданских инфраструктур

	Государственные инфраструктуры	Гражданские / партиципаторные инфраструктуры
Формальные	Профильные комитеты, государственные службы, городская администрация	Голосование, референдумы, партиципаторное бюджетирование, легальные формы самоорганизации и кооперации граждан, муниципальное самоуправление, соседские НКО и прочие формальные организации
Неформальные	Коалиции, коррупция, неформальные договоренности	Сети, знакомства, DIY, низовая самоорганизация, субъектность

наиболее ярких и хорошо изученных примеров таких отношений — «коалиции роста», которые фактически составляют параллельную формальным структурам управления систему арен и игроков, которые не всегда манифестируют себя в публичном поле. А. Леденева отмечает, что взаимопроникновение формальных и неформальных институтов — характерная черта посткоммунистических стран, переживших этапы «транзита» и последующих реформ (Ledeneva 2018: 2). Однако сложные конфигурации формального и неформального в разных пропорциях можно обнаружить и в городах глобального Юга и даже Севера, и, на наш взгляд, именно это является продуктивным фокусом для дальнейших исследований.

По мнению многих исследователей, стратегия неолиберального урбанизма (Golubchikov, Vadyina 2006) — центральная характеристика современных российских городов. В рамках этого экономического подхода городские власти ориентированы в первую очередь на получение капитализированных прибылей от использования городских территорий, что приводит к усугублению и появлению новых форм социально-пространственного неравенства (Pagonis, Thornley 2000; Kolossov, Vendina, O'Loughlin 2002; Vendina 2005). Городские политические и экономические элиты (представители органов власти, строительных и банковских бизнес-структур) формируют взаимовыгодные неформальные коалиции в форме «машин роста» (Vrie 1997; Тев 2006; Борисова 2010; Пустовойт 2014; Чирикова, Ледяев 2014; Тыканова, Хохлова 2015). С целью увеличения получаемых прибылей коалиции инициируют трансформацию городской среды, как правило, игнорируя мнения и интересы остального населения. Это стимулирует рост коллективной мобилизации горожан, активно включающих-

ся в процессы противостояния нежелательному городскому развитию, в том числе на локальном уровне (Gdaniec 1997; Клеман, Мирясова, Демидов 2010; Гладарев 2011; Aidukaite, Fröhlich 2015; Ivanou 2016 и пр.). Таким образом, исследователи отмечают, что горожане, несмотря на трудности доступа к процессам принятия решений, тем не менее пытаются вмешиваться и участвовать, иногда вопреки желанию коалиций роста.

Гражданские инфраструктуры необходимы в первую очередь для того, чтобы горожане стали активным участником, игроком политического городского процесса. Инфраструктуры являются «оборудованием» для интерактивных и динамических процессов согласования интересов и развития города, они позволяют игрокам коммуницировать, договариваться, формулировать задачи и принимать решения о судьбе города. Удобным инструментом для анализа этих процессов является стратегическая интеракционная перспектива (*strategic interaction perspective*, SIP), анализирующая арены взаимодействия и стратегии игроков, вступающих в политический процесс согласования интересов. Аренами Джаспер и Дайвендак называют пространства интеракции игроков, такие как суды, публичные слушания, уличные акции и т.п. (Jasper, Duyvendak 2015). Арены не являются статической средой для игроков, они могут выбирать, во взаимодействие на каких аренах включаться, могут постепенно менять правила игры на этих аренах и т.п. Арены, которые доступны игрокам, в контексте нашего обзора городского локального активизма входят в число элементов гражданской инфраструктуры. Доступность интерактивных арен для взаимодействия и согласования интересов горожан, бизнеса и городских властей определяет успешность процессов согласования интересов и инклюзивность городского управления.

Ниже мы рассмотрим состояние гражданских инфраструктур в российских городах, выделив формальные и неформальные инфраструктуры, а также уделяя внимание интерактивному аспекту. Мы продемонстрируем, что в то время как неформальные гражданские инфраструктуры парадоксальным образом развиваются, горожане все чаще готовы активно участвовать в судьбе своих городов, формальные гражданские инфраструктуры не предоставляют гражданам адекватных возможностей для участия. В первую очередь мы фиксируем пробел в наличии интерактивных арен для согласования интересов.

Данные и методология

Мы рассматриваем состояние гражданских инфраструктур в российских городах, опираясь на аналитический обзор опубликованных работ о российском локальном активизме. В основе нашего анализа — массив

русскоязычных и англоязычных научных текстов, посвященных городскому локальному активизму в России. С помощью комбинаций поисковых запросов «городской активизм», «urban activism» + «Russia» / «Russian» в библиографических базах данных РИНЦ и Google Scholar, а также анализа наименований пристатейных ссылок была сформирована коллекция (N=124) академических публикаций: книг и статей, название и аннотация которых имеют отношение к изучаемому нами феномену. После чего тексты публикаций были сплошным образом закодированы в программном обеспечении Atlas.ti (8 edition).

Состояние гражданских инфраструктур и локальный активизм в российских городах

Многие работы, фокусирующиеся на локальном активизме, так или иначе раскрывают вопрос о формировании гражданских инфраструктур в российских городах. Они говорят о понятийном, дискурсивном аппарате активистов, аренах, доступных жителям для участия в процессах принятия решений, используемых ими репертуаров протестных действий. Помимо этого, ряд исследователей отмечают другую важную характеристику гражданских инфраструктур: их подвижность и активное участие в их создании самих горожан. Группы и сети активистов становятся ресурсом, элементом инфраструктуры, помогая другим или просто давая позитивный образец. Мы предлагаем взглянуть на эти разрозненные элементы и характеристики локального активизма в России комплексно, как на части масштабного процесса развития гражданских инфраструктур в российских городах. Сначала мы рассмотрим формальные гражданские инфраструктуры, затем представим анализ неформальных гражданских инфраструктур и, наконец, проанализируем динамическую и интерактивную составляющую процессов гражданского участия.

Формальные гражданские инфраструктуры

В современной России горожане имеют доступ к спектру формальных возможностей оказания влияния на судьбу городского пространства. Среди них можно выделить:

- (1) создание ТОСов (территориальных общественных самоуправлений) — общественных организаций горожан в соответствии с местом их проживания, имеющих полномочия участия в делах местного самоуправления вплоть до принятия решений на муниципальном уровне;
- (2) публичные слушания в виде собраний граждан для обсуждения вопросов, имеющих общественную значимость, в том числе градостроительных решений и прочие собрания граждан;

- (3) участие граждан в финансировании местных проектов: народное финансирование (краудфандинг); самообложение граждан по результатам местных референдумов; участие в партиципаторном (или инициативном) бюджетировании, которое обеспечивает доступ на конкурсной основе горожан к решению территориальных проблем районного значения с выделением определенного бюджета;
- (4) проведение референдума, в том числе по вопросам самообложения граждан, а также территориального планирования;
- (5) регистрация требования, жалобы, петиции и прочего на официальном интернет-портале «Российская общественная инициатива»;
- (6) отправка официальных письменных обращений в органы власти.

Все перечисленные инструменты, однако, де-факто имеют лишь ограниченное использование. На пути формирования ТОСов, несмотря на их активное развитие, лежат проблемы в области «распада социальной инфраструктуры, недоверия населения к институтам власти, нежелания пользоваться имеющимися правовыми рычагами» (Секирина 2011: 15). Несмотря на множественные случаи проведения публичных слушаний (Доклад о состоянии... 2018), решения, высказанные на них группами интересов, носят лишь рекомендательный и информационный характер (Медведев 2016), государственные органы зачастую недостаточно информируют граждан о проведении публичных слушаний, что приводит к отсутствию на них публики (Зерчанинова 2016). Между тем сильные группы интересов прибегают к множеству неформальных практик для достижения необходимых им результатов по итогам слушаний (Шаталова, Тыканова 2018). Партиципаторное бюджетирование — одна из немногих успешных и активно развивающихся практик гражданского участия населения в делах местного территориального управления. Оно существует в нескольких видах: инициативное бюджетирование, предполагающее в том числе самообложение граждан и финансовое участие местного бизнеса; программа поддержки местных инициатив Всемирного банка и программа «партиципаторного бюджетирования» при участии Фонда Кудрина, а также различные региональные вариации (Материалы круглого стола Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления на тему «Инициативное бюджетирование как механизм поддержки местных инициатив и участия населения в решении вопросов местного значения от 17 декабря 2018 г.).

Согласно «Докладу о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации», в 2017 г. были проведены 1187 локальных референдумов в десяти субъектах Российской Федерации (Доклад о состоянии... 2018), однако они в основном касались

согласия граждан на введение самообложения в целях реализации местных проектов (см. ст. 22 и ст. 56 ФЗ-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). Граждане могут вынести на официальное обсуждение тот или иной вопрос на сайте «Российская общественная инициатива», для этого им необходимо зарегистрировать голоса в размере не менее 5 % от общего числа жителей муниципалитета (уровень «муниципалитет») или 100 тыс. голосов (уровень «субъект Федерации»), что является серьезным фильтром для продвижения тех или иных инициативных проектов горожан. Московские власти запустили новый формат городских электронных «референдумов» на платформе «Активный гражданин», где горожане в режиме онлайн могут проголосовать за ту или иную городскую инициативу. Впрочем, исследователи указывают на ряд существенных проблем такого волеизъявления граждан, связанных с тем, что «результаты голосований на электронном референдуме не имеют юридической силы, а являются консультативным агентом в выборе возможных управленческих решений и ресурсом поддержки инициатив горожан» (Перезолова 2015: 112). Федеральный закон № 59-ФЗ от 2.05.2006 гарантирует предоставление официального ответа органов властей на письменные обращения граждан в течение 30 дней, однако не гарантирует решение тех проблем, на которые указывают горожане.

Митинги, пикеты и прочие публичные формы гражданского волеизъявления также являются легальными формами участия горожан в городской политике, однако де-факто использование этих форм ограничено. Для проведения митингов (за исключением одиночных пикетов) необходимо получение официального согласования, в противном случае протестанты рискуют получить различного рода санкции и штрафы, размеры которых существенно увеличились после акций «За честные выборы» в 2012 г. (см. Федеральный закон № 54-ФЗ от 19.06.2014, в редакции от 08.06.2012 «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»).

В целом можно заключить, что существует недостаток реальных возможностей участия горожан в принятии административных решений о судьбе городских территорий, которые в данный момент преимущественно находятся в руках глав районов и профильных комитетов, а также городских администраций и губернаторов.

Неформальные гражданские инфраструктуры: мировоззрение и субъектность, политизация и репертуары граждан

Помимо ресурсов и репертуаров действия, для функционирования гражданского общества людям необходим также инструментарий, состоя-

ший из понятий, адекватных реакций на несправедливость и т.п. Клеман связывает активистский потенциал граждан с усвоением ими новых способов «чувствования, мышления и действия». Она отмечает, что «тестовые ситуации» («testing moments») в непосредственном окружении человека «могут стимулировать коллективное действие через повседневные эмоциональные ситуации общения» (Clement 2015: 211). Дискурсивные практики активистов, «фрейминг» проблем — важный фокус в исследованиях протестных действий, который позволяет реконструировать понятийный и идеологический аспект инфраструктуры. Идеи и представления так же важны для мотивации к действию, как и доступность материальных и временных ресурсов (на примере фестиваля «Делай Сам» это изучает Энигбокэн (Enigbokan 2016), на материалах исследования активистов района Таганка в Москве — Иванов (Ivanov 2016)).

Формирование активистской субъектности, постепенная выработка горожанами репертуаров оспаривания городского пространства, внутренняя динамика соседских инициатив, вовлеченных в дискуссии о судьбах городских территорий, — все это «мировоззренческие» элементы гражданских инфраструктур, необходимые для полноценного участия граждан. Эти аспекты также часто становятся предметом рассмотрения исследователей. Наиболее известный пример в российской литературе — книга Клеман, Мирясовой и Демидова «От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России», а также другие работы этих авторов. Эти исследователи детально анализируют, каким образом обычные горожане, как правило, не имеющие опыта участия в коллективных протестных действиях, включаются в общественные обсуждения по поводу затрагивающих их частные интересы вопросов и постепенно становятся активистами (Мирясова, Клеман 2008; Клеман, Мирясова, Демидов 2010). Гладарев на примерах инициативной борьбы против уплотнительной застройки на периферии Санкт-Петербурга и борьбы групп «Спасение» и «Живой город» анализирует, каким образом горожане, не имея опыта публичного выступления, на собственной практике постепенно «научаются» участию в общественной жизни и вырабатывают специфические техники и словарь публичного языка (Гладарев 2011).

Наблюдение Шоминой и соавторов о том, что уровень образования может оказывать влияние на степень вовлеченности в активизм, также косвенно свидетельствует в пользу того, что мировоззренческие характеристики являются важным элементом гражданского «оборудования» или инфраструктур: если люди верят в то, что социальная самоорганизация может иметь позитивное влияние на положение дел в стране, они с боль-

шей вероятностью будут принимать участие в политическом процессе (Shomina et al. 2002).

Специфическим мировоззренческим вызовом для горожан, которые вовлекаются в коллективное действие по поводу развития городских территорий на локальном уровне, становится множественная гетерогенность соседских сообществ и отсутствие соседской солидарности. В таких ситуациях горожане в процессе своей самоорганизации сталкиваются с тем, что буквально говорят на разных языках, что существенным образом затрудняет их слаженное коллективное действие (Тыканова, Хохлова, 2014; Зуйкина 2017). Символическим клеем таких сообществ могут стать фотоматериалы, сделанные руками горожан, которые фиксируют случаи несправедливого с их точки зрения вмешательства в локальную городскую среду и в конечном счете оказывают влияние на коллективную мобилизацию (Закирова 2008).

Процесс обучения новым формам оспаривания городского пространства можно рассматривать как формирование гражданской инфраструктуры. Популярная среди исследователей идея, что горожане на практике обучаются бороться за свои права, отражает именно этот важный процесс. В некоторых работах прослеживается мнение, что горожанам просто нужно «обучиться», «потренироваться» в использовании уже доступных им инструментов. Так, отмечая сложные отношения между жилищными движениями и местными властями, в центре которых — борьба за права собственности, Шомина и соавторы отмечают, что эта борьба служит «тренировочной площадкой для граждан в других сферах гражданского активизма» (Shomina et al. 2002: 268). Начиная с близких вопросов жилья, горожане могут использовать свои новые навыки и знания в других сферах.

Нужно, однако, заметить, что речь должна идти не только об изучении, но о создании новых элементов гражданской инфраструктуры: люди, сети, организации, заявившие о себе однажды, могут стать важным звеном в цепочке дальнейших активистских проектов. Например, Гладарев в своем исследовании петербургских градозащитников отмечает в качестве важного результата их деятельности «организованную ими трансляцию широким слоям горожан позитивных примеров гражданской активности, примеров, рождающих веру в результативность коллективных действий» (Гладарев 2012: 41). По его наблюдениям, активисты «Живого Города» не только придумывали, как действовать (пополняли активистский репертуар), но и становились ресурсом (информационным и иногда организационным) для других потенциальных активистов, т.е. элементом гражданской инфраструктуры.

Антипьев вторит идее о том, что граждане, действуя, создают ресурс для последующего действия: «Именно на местном уровне происходит процесс становления гражданского общества в России не в виде абстрактной конструкции, а в виде реальных практик, складывающихся в местном сообществе. <...> Выработываемая практика взаимодействий, особенно если она оказывается результативной, способствует дальнейшему развитию местного сообщества» (Антипьев 2015: 30). Петрова также заключает, что локальные конфликты могут заложить основы для дальнейшего развития гражданского участия в регионе. Важно отметить, что благодаря развитию инфраструктуры в ходе локальных конфликтов, граждане получают инструменты для расширения спектра своей деятельности, в том числе для защиты своих интересов в более широком политическом поле. Прежде всего это позволяет сформироваться активистам-лидерам, которые также являются важным элементом инфраструктуры и имеют потенциал трансформации в политиков, участвующих в электоральном процессе: «Если выдвижение и участие Чириковой в выборах 2009 г. было связано почти исключительно с экологическими вопросами, то к 2012 г. к протестной повестке добавилась борьба с коррумпированными чиновниками и “ресурсными паразитами”, где на волне популярности “белоленточного” движения Е. Чирикова официально примкнула к несистемной оппозиции» (Петрова 2018: 124–125).

Постепенная политизация горожан — участников коллективного действия вокруг отстаивания городского пространства — популярная тема исследований. Признаки политизации протестных инициатив по защите городского пространства социальные ученые находят уже в позднесоветское время, рассматривая опыт самоорганизации и борьбы группы «Спасение» в перестроечном Ленинграде (Гладарев 2011; Васильев 2016; Павлова 2017). Впрочем, они отмечают, что при квалификации своих действий в качестве политических, активисты всячески избегали использования политической риторики в публичных выступлениях и агитации, опасаясь репрессивной реакции властей (Васильев 2016). Сложная, нелинейная природа восхождения действий активистов — членов соседских сообществ от прагматических, локально ориентированных в сторону более политизированных форм продемонстрировано на исследовании низовой коллективной мобилизации горожан в случаях уплотнительной застройки в Санкт-Петербурге (Туканова, Khokhlova 2019). Зверев указывает на эксплицитные измерения политизации действий участников по защите памятников на примере их тактик публичных акций, а само изучаемое московское движение «Архнадзор», согласно его мнению, «является политическим брокером, который стремится одновременно политизиро-

вать конфликт и решать проблемы без привлечения широкого общественного внимания» (Зверев 2017). Изначальную политизированность участников инициативных групп отмечает исследование движения против уплотнительной застройки в Москве. В частности, за опытом самоорганизации в ситуации оспаривания городского пространства последовал этап профессиональной политической карьеры активистов (Рублев 2014: 242). Важный феномен прихода бывших политических активистов в «политику малых дел», а именно борьбу простых горожан за качество городской среды, демонстрирует исследование социологов PSlab (Журавлев, Савельева, Ерпылева 2014). Впрочем, не все случаи городского локального активизма имеют черты политизации, а активисты зачастую предпочитают реально и/или риторически оставаться на аполитичных позициях (Российский неполитический активизм 2012; Ковин 2014; Tykanova, Khokhlova 2019). Постепенная политизация городского локального активизма свидетельствует о процессе выработки горожанами профессиональных репертуаров и рецептов оспаривания городского пространства, которые зачастую были им недоступны по причине недостатка предыдущего опыта участия в публичной политике.

Инфраструктуры и интеракция участников политического процесса

Исследования активизма традиционно имеют перекосяк в сторону исследования именно активистов в ущерб остальным участникам процесса согласования интересов. В зарубежных исследованиях такой подход отчасти обусловлен тем, что Говард Бекер (Becker 1966) однажды обозначил как *underdog sociology*: западные социологи часто придерживаются либеральных взглядов и занимают позицию слабых, не облеченных властью социальных групп, пытаются дать им голос, занять их позицию. Активисты обычно вызывают у исследователей эмпатию, в отличие от сильных, эксплуатирующих уязвимость других игроков. Такие исследования часто придерживаются качественной методологии исследования: этнография, глубинные интервью, участвующее наблюдение позволяют социологу понять позицию одной из сторон.

Интересно, что в рассмотренных нами статьях качественные этнографические исследования активистов встречаются не так часто (Клеман и др. 2010; Терентьев 2015, Гладарев 2011; Закирова 2008; Журавлев, Савельева, Ерпылева 2014; Зуйкина 2017; Зверев 2017). В основном исследователи занимают позицию над конфликтом, смотрят на него глазами управленцев и девелоперов, на выходе предлагая практические рекомендации по «предупреждению», «смягчению» или «погашению»

конфликта. Такой подход иногда сопровождается анализом медиадискурсов и социальных сетей, а не более традиционным этнографическим обследованием ситуации (Дружинин 2011; Носиков и др. 2017). Еще одна разновидность работ, посвященных конфликтам в городской среде, и вообще фокусируется преимущественно на деятельности органов управления и их целях. В таком случае объектом анализа часто оказываются правительственные документы и официальные заявления чиновников (Байнова 2015a).

Методические рекомендации, содержащие руководства по снижению конфликтности и предупреждению случаев возникновения напряжения между участниками взаимодействия по поводу деvelopeмента городских территорий, часто адресованы представителям власти. Например, Глухова, Кольба и Соколов рекомендуют властям выступать в большей мере в качестве третьей стороны конфликта, что могло бы сбалансировать интересы участвующих сторон (Глухова, Кольба, Соколов 2017). Кольба и коллеги также предлагают перечень мер по политическому управлению городским конфликтом (Кольба, Соколов 2016; Кольба, Ильченко 2012; Кольба 2016). Авторы конструируют методические модели взаимодействия власти и горожан (включая предварительную работу по оповещению населения), которые призваны минимизировать потенциальные конфликтные издержки в коммуникации сторон (Расходчиков 2017; Шилов, Яковенко, Наговский 2014).

Повышенное внимание именно к формальным государственным институтам связано с тем, что большинство исследователей (как и граждан) фиксируют, что реальная политическая власть, включая и инструменты влияния на судьбу городских территорий, находится именно в их руках, гражданам эти институты не подотчетны (Shomina et al. 2002). Обилие работ в жанре методических рекомендаций по урегулированию и предупреждению локальных конфликтов в сфере развития городских территорий, указывает нам на сильную позицию представителей государственной власти, которые, с одной стороны, выступают заинтересованными игроками при реализации таких проектов, с другой стороны, существенным образом ограничивают или исключают горожан из обсуждения градостроительных решений.

С нашей точки зрения, этот корпус работ является любопытной попыткой представителей научного сообщества заполнить пробел в гражданских инфраструктурах, выступить в качестве медиаторов между игроками: донести до представителей бизнеса и власти информацию о том, что думают и хотят горожане. Нам же это говорит о том, что в гражданских инфраструктурах в российских городах существует пробел именно в на-

личии интерактивных арен, каналов взаимодействия игроков. Мобилизованные горожане со сформированным гражданским мировоззрением и сетями поддержки не имеют возможности интегрироваться в формальные гражданские инфраструктуры.

Тем не менее исследователи часто винят общество в том, что оно пассивно, находится в спящем состоянии и недостаточно использует доступные ему инструменты. Например, в своей оценке института публичных слушаний, которые теоретически могут служить ареной для взаимодействия органов власти, бизнеса и местных жителей, Байнова отмечает, что этот механизм несовершенен, и в этом отчасти виновато само общество: «Общество недостаточно включается в процесс, привыкло к пассивности, не видит возможности решить проблему на основании процессов взаимодействия», — однако она оговаривается, что проблема носит системный характер, поскольку «механизмы взаимодействия не налажены в достаточной степени, что характерно для системы управления в целом, которая испытывает потребность в лучшей организации обратной связи» (Байнова 2015b: 107). Таким образом, неформальные гражданские инфраструктуры (нежелание горожан участвовать, их неверие в институт) здесь резонируют с нежеланием облеченных властью игроков использовать арену полноценно.

И хотя на первый взгляд эта оценка может показаться справедливой, при внимательном рассмотрении активистских эпизодов мы можем увидеть, что они имеют место, люди активно вовлекаются, но часто оказываются разочарованы низким уровнем реакции государственной системы управления на их запросы. Низкая эффективность существующих инструментов влияния также не способствует повышению мотивации к коллективному действию. Многочисленные исследования демонстрируют, что причины апатии российских граждан вполне рациональны: граждане не доверяют государству, разочарованы в правящей элите (Журавлев 2015) и формальной политике, однако это не означает их полного равнодушия и отсутствия гражданского сознания (Желнина 2013; Ерыплева 2017). Одна из причин отчужденности и отказа участвовать в формальной политике — «глухота» формальных институтов, неработающие полноценно формальные гражданские инфраструктуры.

Заключение и дискуссия

Интеграция формальных и неформальных гражданских инфраструктур — формальных институтов учета мнения граждан с неформальными процессами в городских сообществах — основа успешного функционирования гражданского общества и эффективного решения городских

конфликтов. Гражданские инфраструктуры помогают гражданам взаимодействовать с другими игроками на интерактивных аренах (Jasper and Duyvendak 2015). В российских городах формальные гражданские инфраструктуры не успевают за развитием неформальных: горожане общаются, создают активистские сети, однако при попытках вынести свои требования и свое видение развития городских территорий на арены, где формальные государственные институты и другие участники процесса (девелоперы, представители бизнеса) должны к ним прислушаться, эффективное взаимодействие не всегда удается.

Для более глубокого понимания этой проблемы необходимо внимание к ее интерактивному аспекту: ситуациям взаимодействия игроков на политических аренах. Однако эта тема слабо изучена на российском материале. Существуют работы, посвященные внутренней гетерогенности групп протестующих и взаимодействию разных игроков внутри протеста: горожан с правозащитными и градозащитными организациями, интернет-активистами, лоббистами (системной и несистемной политической оппозицией) (Носиков и др. 2017). В исследовании Шевцовой и Бедерсона изучено взаимодействие местной власти и активистов, с особым вниманием к репертуарам, которые выбирают активисты для повышения эффективности этого взаимодействия (Шевцова, Бендерсон 2017). Немногочисленные авторы исследуют и классифицируют участников, вовлеченных в градостроительные конфликты, а также их коммуникативные репертуары и виды последствий, к которым могут привести подобные взаимоотношения сторон (Тыканова 2014; Носиков и др. 2017; Глухова, Кольба, Соколов 2017, Зверев 2017). Зверев анализирует коммуникативные стратегии движения «Архнадзор» во взаимодействии со значимыми публикациями, указывает на интенсивность такой коммуникации и типологизирует виды ее проявления в соответствии с параметром публичности: публичные (интервью, публикации, перформансы, публичные слушания, протесты, просвещение) и непубличные (жалобы, надзор, переговоры, комиссии и комитеты) формы (Зверев 2017: 125). Кольба и Ильченко выделяют базовые модели коммуникации властей и представителей общественности в контексте градостроительных конфликтов: конвенциональная, конфронтационная и манипулятивная (Кольба, Ильченко 2012: 122–132).

Таким образом, попытки интеграции и повышения эффективности взаимодействия разных игроков на аренах городской политики совершаются, однако в российских исследованиях мы обнаруживаем перекося в сторону изучения только формальных гражданских инфраструктур или активистских групп. На наш взгляд, для комплексного изучения город-

ского локального активизма в России необходим более сбалансированный и комплексный подход, обращенный на взаимодействие игроков и интеграцию формальных и неформальных гражданских инфраструктур.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10054) «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

Литература

Антипьев К.А. (2015) Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*, 2: 23–27.

Байнова М.С. (2015) Проблемы взаимодействия власти и общества в градостроительной деятельности на примере города Москвы. *Вестник Московского университета*, 6: 104–108.

Байнова М.С. (2015а). Земельные конфликты в процессе градостроительной деятельности. *Конфликтология*, 1: 161–181.

Борисова Н.В. (2010) Городские политические режимы и пространство символической политики. *Вестник Пермского университета. Сер. Политология*, 4(12): 48–55.

Васильев С.Г. (2016); Группа спасения. Как это начиналось. *Градозащитная деятельность: участники и источники: материалы 9-й научно-практической конференции по информационным ресурсам петербурговедения, 15 марта 2016 г.* СПб.: Централ. гор. публич. библиотека им. В.В. Маяковского: 77–95.

Гладарев Б. (2011) Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города. О. Хархордин (ред.) *От общественного к личному*. СПб.: Изд-во ЕУСПб: 71–304.

Гладарев Б.С. (2012) Градозащитные движения Петербурга накануне «зимней революции» 2011–2012 г.: анализ из перспективы французской прагматической социологии. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4(110): 29–43.

Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. (2017) Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса). *Человек. Сообщество. Управление*, 18(4): 44–65.

Дружинин А.М. (2011) Репрезентация строительных конфликтов в виртуальных сообществах. *Интеграция, партнерство и инновации в строительной науке и образовании*. М.: Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет: 79–82.

Ерпылева С. (2017) «На митинги я не ходил, меня родители не отпускали»: взросление, зависимость и самостоятельность в деполитизированном контексте

сте [<http://syg.ma/@ps-lab/na-mitingi-ia-nie-khodil-mienia-roditieli-nie-otpuskali-mnogofotochiie>] (дата обращения: 15.03.2019).

Желнина А.А. (2013) Свобода от политики: «обычная» молодежь на фоне протестов. *Социология власти*, (4): 139–149.

Журавлев О. (2015) Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011–2012 гг. *Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 гг.* М.: Новое литературное обозрение, 2015: 27–71.

Журавлев О., Савельева Н., Ерпылева С. (2014) Индивидуализм и солидарность в новых российских гражданских движениях. *Журнал исследований социальной политики*, 12(2): 185–200.

Закирова М. (2008) «Вот здесь видно все!»: саморепрезентация городского общественного движения. *Журнал исследований социальной политики*, 2: 217–240.

Зверев А.А. (2017) Политическое измерение охраны памятников в России: кейс московского движения Архнадзор. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология»*, 19(2): 118–129.

Зерчанинова Т.Е. (2016) Исследование практики участия населения муниципального образования «Город Екатеринбург» в местном самоуправлении. Зерчанинова Т.Е., Тарбеева И.С. (ред.) *Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 18–20 апреля 2016 г.*, ч. 1 Екатеринбург: Изд-во Уральского университета: 76–80.

Зуйкина А.С. (2017) Факторы успеха и «провала» в деятельности локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства (на примере города Перми). *История пермского городского самоуправления в XVIII–XXI вв.: генезис, развитие, трансформация.* Пермь: Новопринт: 85–94.

Карбаинов Н.И. (2018) Фавелы, геджеконду, «нахаловки»: сквоттерские поселения в городах развивающихся и постсоветских стран. *Мир России. Социология. Этнология*, 27(1): 135–158.

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. (2010) *От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России.* М.: Три квадрата.

Ковин В.С. (2014) Гражданский вызов Перми: «гражданская столица» vs. «политическое болото». *Стилистические особенности пермской городской идентичности.* СПб.: Изд-во «Маматов»: 195–235.

Кольба А.И. (2015) Политико-управленческие аспекты регулирования градостроительных конфликтов. *Современный город: власть, управление, экономика*, 1: 297–306.

Кольба А.И. (2016) Модели политической коммуникации в конфликте между структурами власти и обществом (региональный уровень). *Современный город: власть, управление, экономика*, 1: 22–31.

Кольба А.И., Ильченко А.А. (2012) Модели политической коммуникации в конфликте между структурами власти и обществом (региональный уровень). *Человек. Общество. Управление*, 1: 122–132.

Кольба А.И., Соколов А.В. (2016) Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологизации и управления. *Конфликтология*, 4: 234–252.

Медведев И.Р. (2016) Проблемы оспаривания публичных слушаний (на примере Москвы). *Арбитражный и гражданский процесс*, 1: 57–64.

Мирясова О.А., Клеман К. (2008) От обывателя к активисту: трансформация фрейма (исследование жилищного движения в Астрахани). *Социальная реальность*, 3: 5–23.

Носиков А.А., Турыгин Ф.В., Мыскин Е.Б., Пелин А.А. (2017). Протест против передачи Исаакиевского собора Русской Православной Церкви: сетевой анализ и динамика конфликта на этапе его становления. *Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований*, 1: 65–81.

Павлова М.А. (2017) «Это наш город!»: культурная среда Ленинграда как пространство политического сопротивления в период «перестройки». *Материалы V Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых*. Екатеринбург: 79–85.

Перезолова П.А. (2015) Городские электронные референдумы: опыт проекта «Активный гражданин». *Власть*, 2: 108–113.

Петрова Р. (2018) Политизация городских конфликтов в современной России: участники, повестка, тактическое взаимодействие. *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*, (3): 122–136.

Пустовойт Ю.А. (2014) Городские политические режимы: координация внутриэлитного взаимодействия в крупных индустриальных городах. *Государственное управление. Электронный вестник*, 46: 85–106.

Расходчиков А.Н. (2017) Сетевая реакция горожан на масштабные градостроительные проекты как проявление специфической формы гражданской субъектности. *Власть*, 4: 81–86.

Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя. *Отчет о результатах исследования активизма в России* (2012). Пермь: Центр ГРАНИ.

Рублёв Д.И. (2014) Опыт гражданской самоорганизации: движение против уплотнительной застройки в Москве, 2007–2008 гг. *Россия и современный мир*, (2): 238–248.

Секирина Е.Е. (2011) Территориальное общественное самоуправление как форма непосредственной демократии (российские реалии и мировой опыт). *Гуманитарные и социальные науки*, 6: 259–273.

Тев Д.Б. (2006) Политэкономический подход в анализе местной власти. К вопросу о коалиции, правящей в Санкт-Петербурге. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*, 2(2): 99–121.

Терентьев Е.А. (2015) Топонимический активизм и «Право на город»: социологические заметки. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 1(29): 194–202.

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. (2014) Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства. *Социология власти*, 2: 104–122.

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. (2015) Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство. *Журнал исследований социальной политики*, 13(2): 241–256.

Чирикова А.Е., Ледаев В.Г. (2014) Локальные элиты в малых российских городах: формальные и неформальные ресурсы власти. *PRO NUNC. Современные политические процессы*, 1(13): 129–162.

Шаталова А.Н., Тыканова Е.В. (2018) Неформальные практики участников публичных слушаний (случай Санкт-Петербурга). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(4): 63–84.

Шевцова И.К., Бедерсон В.Д. (2017) «У власти точка зрения — молчание»: взаимодействие инициативных групп и органов местной власти в политике городского планирования. *Политическая наука*, 4: 111–136.

Шилов М.П., Яковенко Н.В., Наговский В.К. (2014) Экологические коллизии и градостроительные конфликты: системный анализ проблем постперестроечного Иванова. *Ноосферные исследования*, 1(7): 65–90.

Шомина Е.С. (1995) Становление жилищного движения в России. *Социологические исследования*, 10: 78–87.

Aidukaite J., Fröhlich C. (2015) Struggle over public space: grassroots movements in Moscow and Vilnius. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 35(7/8): 565–580.

Almond G A., Verba S. (1965) *The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*. Princeton: Princeton University Press.

Anokhin A.A., Lachininskii S.S., Zhitin D.V., Shendrik A.V., Mezhevich N.M., Krasnov A.I. (2017) Post-Soviet urban environment: the experience of St. Petersburg. *Regional research of Russia*, 7(3): 249–258.

Axenov K., Krupickaitė D., Morachevskaya K., Zinovyev A. (2018) Retail sprawl in post-Soviet urban residential communities: Case studies of Saint-Petersburg and Vilnius. *Moravian Geographical Reports*, 26(3): 210–219.

Badyina A. (2012) *The housing question and the production of uneven urban spatialities in Post-Soviet Moscow and Russia*. Oxford: Oxford University.

Barber B. (1984) *Strong democracy: Participatory democracy for a new age*. Berkeley: University of California Press.

Becker H.S. (1966) Whose side are we on. *Social Problems*, 14: 239–247.

Breslavsky A.S. (2012) Post-Soviet Ulan-Ude: Content and Meaning of a New Urban Idea. *Inner Asia*, 14(2): 299–317.

Brie M. (1997) *The political regime of Moscow-creation of a new urban machine?* Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung gGmbH (WZB) Reichpietschufer 50, D-10785 Berlin.

Clément K. (2015) Unlikely mobilisations: how ordinary Russian people become involved in collective action. *European Journal of Cultural and Political Sociology*, 2(3–4): 211–240.

Dalton R.J. (2008) *The good citizen: How a younger generation is reshaping American politics*. Washington: CQ Press, SAGE.

Enigbokan A. (2016) Delai Sam: social activism as contemporary art in the emerging discourse of DIY urbanism in Russia. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*, 9(2): 101–116.

Furedi F. (1999) Consuming democracy: Activism, elitism and political apathy. *The European Science and Environment Forum online*. Vol. 15.

Gdaniec C. (1997). Reconstruction in Moscow's historic centre: conservation, planning and finance strategies — the example of the Ostozhenka district. *Geo-Journal*, 42(4): 377–384.

Golubchikov O., Badyina A. (2006) Conquering the inner-city: Urban redevelopment and gentrification in Moscow. *The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe: Space, Institutions and Policy*. Heidelberg, N.Y.: Physica-Verlag: 195–212.

Hahn J.W. (2004) St. Petersburg and the Decline of Local Self-Government in Post-Soviet Russia. *Post-Soviet Affairs*, 20(2): 107–131.

Holston J. (2008) *Insurgent citizenship: Disjunctions of democracy and modernity in Brazil*. Princeton: Princeton University Press.

Ivanou A. (2016) Social problem ownership at Taganka, Moscow: Explaining urban protests against infill development projects. *Rationality and Society*, 28(2): 172–201.

Kelly C. (2015) 'Scientific Reconstruction' or 'New Oldbuild'? The Dilemmas of Restoration in Post-Soviet St. Petersburg. *Revue des études slaves*, 86(LXXXVI–1–2): 17–39.

Kinossian N. (2006) Urban redevelopment programmes in Kazan, Russia. *The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe*. N.Y.: Springer: 319–336.

Kolossov V., Vendina O., O'Loughlin J. (2002) Moscow as an emergent world city: international links, business developments, and the entrepreneurial city. *Eurasian Geography and Economics*, 43(3): 170–196.

Ledeneva A. (2018) *Global Encyclopaedia of Informality, Volume 1: Towards Understanding of Social and Cultural Complexity*. L.: UCL Press.

Molodikova I., Makhrova A. (2007) Urbanization patterns in Russia in the post-Soviet era. *The Post-Socialist City*. Dordrecht: Springer: 53–70.

Murphy E. (2015) *For a Proper Home: Housing Rights in the Margins of Urban Chile, 1960–2010*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Pagonis T., Thornley A. (2000) Urban development projects in Moscow: market/state relations in the new Russia. *European Planning Studies*, 8(6): 751–766.

Pickvance C.G. (1994) Housing privatization and housing protest in the transition from state socialism: a comparative study of Budapest and Moscow. *International Journal of Urban and Regional Research*, 18(3): 433–450.

Pilkington H., Pollock G. (2015) 'Politics are bollocks': youth, politics and activism in contemporary Europe. *The Sociological Review*, 63(S2): 1–35. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12260>

Putnam R.D. (1993) What makes democracy work? *National Civic Review*, 82(2): 101–107.

Putnam R.D. (2001). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. N.Y.: Simon and Schuster.

Rudolph R., Brade I. (2005) Moscow: Processes of restructuring in the post-Soviet metropolitan periphery. *Cities*, 22(2): 135–150.

Shomina Y., Kolossov V., Shukhat V. (2002). Local activism and the prospects for civil society in Moscow. *Eurasian Geography and Economics*, 43(3): 244–270.

Tykanova E., Khokhlova A. (2013) Local Communities in St. Petersburg: Politicisation of Claims to Contested Urban Spaces. *Articulo-Journal of Urban Research*, Special issue 4.

Tykanova E., Khokhlova A. (2019) Grassroots urban protests in St. Petersburg: (non)participation in decision-making on the futures of city territories. *International Journal of Politics, Culture and Society* (in print).

Vendina O. (2005) Perspectives for polycentric development of the Russian expanse in the context of globalization. In: Glezer O., Polyak P. (eds.) *Russia and its regions in the twentieth century. Territory-settlement-migration*. Moscow: OGI: 307–333.

Zubovich K. (2015) Housing and meaning in Soviet and post-Soviet Russia. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 16(4): 1003–1011.

Zupan D. (2015) Local debates on 'global' planning concepts: the 'compact European city' model in postsocialist Russia — the case of Perm. *Europa Regional*, 22(1–2): 39–52.

Интернет-источники

Доклад о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2017 г. — начало 2018 г.). URL: <https://minjust.ru/ru/novosti/podvedeny-itogi-ezhegodnogo-monitoringa-razvitiya-sistemy-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 16.03.2019)

FORMAL AND INFORMAL CIVIC INFRASTRUCTURE: CONTEMPORARY STUDIES OF URBAN LOCAL ACTIVISM IN RUSSIA

Anna Zhelnina^a (azhelnina@gmail.com),
Elena Tykanova^b (elenatykanova@gmail.com)

^aHigher School of Economics Campus in St. Petersburg; The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

^bThe Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Citation: Zhelnina A., Tykanova E. (2019) Formal'nyye i neformal'nyye grazhdanskiye infrastruktury: sovremennyye issledovaniya gorodskogo lokal'nogo aktivizma v Rossii [Formal and informal civic infrastructure: contemporary studies of urban local activism in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(1): 162–192 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>

Abstract. This paper explores the academic discussion about local urban activism in contemporary Russia and aims at revealing the specificity of Russian urban activism. The authors move away from the traditional framework of describing Russian urban processes as “post-Soviet” or “post-socialist,” and position Russian studies of local activism in a broader context of similar research conducted in cities of the Global North and the Global South. Building on the international theoretical developments, the authors suggest the concept of “civic infrastructures” as a promising tool for the analysis of local urban activism, distinguishing between “formal” and “informal” civic infrastructures. Formal civic infrastructures include legally regulated forms of civic participation, such as voting, participation in voluntary associations, municipal self-governance, organizing and cooperation of homeowners, participatory budgeting. Informal civic infrastructures include informal associations, friendship networks, as well as worldviews and ideas that are focused on the creation and maintenance of a common good. The authors conclude that the dramatic contestation of urban spaces in contemporary Russia increases and informal civic infrastructures become more prominent. Scholarly evidence confirms the development of civic worldviews, subjectivities, and politicization of urbanites ready and willing to get involved in the process of decision making regarding their cities’ fate. Formal civic infrastructures, however, do not provide them with adequate tools for such participation. Building on the “strategic interaction perspective,” the authors suggest a theoretical model for local activism studies in Russia which includes tools, sensitive to the interactions of players involved in the urban development processes. They conclude that the integration of formal and informal civic infrastructures is necessary for a healthy civil society and efficient resolution of urban conflicts.

Keywords: urban space, urban local activism, collective action, informality, civic infrastructure, interactive approach.

Acknowledgements

The research is supported by the Russian Science Foundation grant (RSF № 18-78-10054) «Mechanisms of interests coordination in the urban development processes».

References

- Aidukaite J., Fröhlich C. (2015) Struggle over public space: grassroots movements in Moscow and Vilnius. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 35(7/8): 565–580.
- Almond G. A., Verba S. (1965) *The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*. Princeton: Princeton University Press.
- Anokhin A.A., Lachininskii S.S., Zhitin D.V., Shendrik A.V., Mezhevich N.M., Krasnov A.I. (2017) Post-Soviet urban environment: the experience of St. Petersburg. *Regional research of Russia*, 7(3): 249–258.
- Antipiev K.A. (2015) Sotsial'nyy potentsial samoorganizatsii mestnykh soobshchestv [Social potential of local communities self-organization]. *Vestnik Permskogo Natsional'nogo Issledovatel'skogo Politekhnicheskogo Universiteta. Sotsial'no-Ekonomicheskiye Nauki* [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-Economic Sciences], 2: 23–27 (in Russian).
- Axenov K., Krupickaitė D., Morachevskaya K., Zinovyev A. (2018) Retail sprawl in post-Soviet urban residential communities: Case studies of Saint-Petersburg and Vilnius. *Moravian Geographical Reports*, 26(3): 210–219.
- Badyina A. (2012) *The housing question and the production of uneven urban spatialities in Post-Soviet Moscow and Russia*. Oxford: Oxford University.
- Barber B. (1984) *Strong democracy: Participatory democracy for a new age*. Berkeley: University of California Press.
- Baynova M.S. (2015a) Problemy vzaimodeystviya vlasti i obshchestva v gradostroitel'noy deyatelnosti na primere goroda Moskvy [Problems of interaction between government and society in urban planning on the example of the city of Moscow]. *Vestnik Universiteta* [University Bulletin], 6: 104–108 (in Russian).
- Baynova M.S. (2015b). Zemel'nyye konflikty v protsesse gradostroitel'noy deyatelnosti [Land conflicts in the process of urban development]. *Konfliktologiya* [Conflictology], 1: 161–181 (in Russian).
- Becker H.S. (1966) Whose side are we on. *Social Problems*, 14: 239–247.
- Borisova N.V. (2011) Gorodskiy politicheskiy rezhim i prostranstvo simvolicheskoy politiki [Urban political regimes and space of symbolic policy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Politologiya* [Bulletin of Perm University. Series. Political science], 4(12): 48–55 (in Russian).
- Breslavsky A.S. (2012) Post-Soviet Ulan-Ude: Content and Meaning of a New Urban Idea. *Inner Asia*, 14(2): 299–317.
- Brie M. (1997) *The political regime of Moscow-creation of a new urban machine?* Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung gGmbH (WZB) Reichpietschufer 50, D-10785 Berlin.
- Chirikova A.E., Ledyayev V.G. (2014) Lokal'nyye elity v malykh rossiyskikh gorodakh: formal'nyye i neformal'nyye resursy vlasti [Local elites in small Russian cities: formal and informal resources of power]. PRO NUNC. *Sovremennyye politicheskiye protsessy* [PRO NUNC. Modern political processes], 1(13): 129–162 (in Russian).

Clément K. (2015) Unlikely mobilisations: how ordinary Russian people become involved in collective action. *European Journal of Cultural and Political Sociology*, 2(3–4): 211–240.

Clément K., Miryasova O., Demidov A. (2010) *Ot obyvateley k aktivistam: zarozhdayushchiyesya sotsial'nyye dvizheniya v sovremennoy Rossii* [From philistines to activists: incipient social movements in modern Russia]. Moscow: Tri kvadrata (in Russian).

Dalton R.J. (2008) *The good citizen: How a younger generation is reshaping American politics*. Washington: CQ Press, SAGE.

Druzhinin A.M. (2011) Rerezentatsiya stroitel'nykh konfliktov v virtual'nykh soobshchestvakh [Representation of construction conflicts in virtual communities]. *Integratsiya, partnerstvo i innovatsii v stroitel'noy nauke i obrazovanii* [Integration, partnership and innovation in construction science and education]. Moscow: National Research Moscow State University of Civil Engineering: 79–82 (in Russian).

Enigbokan A. (2016) Delai Sam: social activism as contemporary art in the emerging discourse of DIY urbanism in Russia. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*, 9(2): 101–116.

Furedi F. (1999) Consuming democracy: Activism, elitism and political apathy. *The European Science and Environment Forum online*, vol. 15.

Gdaniec C. (1997). Reconstruction in Moscow's historic centre: conservation, planning and finance strategies—the example of the Ostozhenka district. *GeoJournal*, 42(4): 377–384.

Gladarev B. (2011) Istoriko-kul'turnoye nasledie Peterburga: rozhdeniye obshchestvennosti iz dukha goroda [Historical and cultural heritage of St. Petersburg: The birth of the public from the city spirit]. In: Kharkhordin O. (Ed.) *Ot obshchestvennogo k publitsnomu* [From the communal to the public]. St. Petersburg: European University Press: 71–304 (in Russian).

Gladarev B.S. (2012) Gradozashchitnyye dvizheniya Peterburga nakanune «zimney revolyutsii» 2011–2012 g.: analiz iz perspektivy frantsuzskoy pragmaticheskoy sotsiologii [City-protecting movements of St. Petersburg on the eve of the 'Winter revolution' of 2011–2012: Analysis and prospects of French pragmatic sociology]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion], 4(110): 29–43 (in Russian).

Glukhova A.V., Kolba A.I., Sokolov A.V. (2017) Politiko-institutsional'nyye i kommunikativnyye aspekty vzaimodeystviya sub'yektov gorodskikh konfliktov (po materialam ekspertnogo oprosa) [Political, institutional and communicative aspects of interaction between the subjects of urban conflicts (based on expert survey)]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye* [Person. Community. Governance], 18(4): 44–65 (in Russian).

Golubchikov O., Badyina A. (2006) Conquering the inner-city: Urban redevelopment and gentrification in Moscow. *The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe: Space, Institutions and Policy*. Heidelberg, New York: Physica-Verlag: 195–212.

Hahn J.W. (2004) St. Petersburg and the Decline of Local Self-Government in Post-Soviet Russia. *Post-Soviet Affairs*, 20(2): 107–131.

Holston J. (2008) *Insurgent citizenship: Disjunctions of democracy and modernity in Brazil*. Princeton: Princeton University Press.

Ivanou A. (2016) Social problem ownership at Taganka, Moscow: Explaining urban protests against infill development projects. *Rationality and Society*, 28(2): 172–201.

Karbainov N.I. (2018) Favely, gedzhekundu, «nakhalovki»: skvotterskiye poseleniya v gorodakh razvivayushchikhsya i postsovetских stran [Favelas, Gecekundu, Nakhalovki: Squatter Settlements in the Cities of Developing and Post-Soviet Countries]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 27(1): 135–158 (in Russian).

Kelly C. (2015) 'Scientific Reconstruction' or 'New Oldbuild'? The Dilemmas of Restoration in Post-Soviet St. Petersburg. *Revue des études slaves*, 86(LXXXVI–1–2): 17–39.

Kinossian N. (2006) Urban redevelopment programmes in Kazan, Russia. *The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe*. New York: Springer: 319–336.

Kolba A.I. (2015) Politiko-upravlencheskiye aspekty regulirovaniya gradostroitel'nykh konfliktov [Political and governmental aspects of the urban conflicts regulation]. *Sovremennyy gorod: vlast', upravleniye, ekonomika* [Modern city: power, governance, economy], 1: 297–306 (in Russian).

Kolba A.I. (2016) Modeli politicheskoy kommunikatsii v konflikte mezhdru strukturami vlasti i obshchestvom (regional'nyy uroven') [Models of political communication in the conflict between government and society (regional level)]. *Sovremennyy gorod: vlast', upravleniye, ekonomika* [Modern city: power, governance, economy], 1: 22–31 (in Russian).

Kolba A.I., Ilchenko A.A. (2012) Modeli politicheskoy kommunikatsii v konflikte mezhdru strukturami vlasti i obshchestvom (regional'nyy uroven') [Models of political communication in the conflict among power structures and society (regional level)]. *Chelovek. Obshchestvo. Upravleniye* [Person. Society. Control], 1: 122–132 (in Russian).

Kolba A.I., Sokolov A.V. (2016) Gorodskoy konflikt: problemy definitsii, tipologizatsii i upravleniya [Urban conflict: the problems of definition, typology and governance]. *Konfliktologiya* [Conflictology], 4: 234–252 (in Russian).

Kolosov V., Vendina O., O'Loughlin J. (2002) Moscow as an emergent world city: international links, business developments, and the entrepreneurial city. *Eurasian Geography and Economics*, 43(3): 170–196.

Kovin V.S. (2014) Grazhdanskiy vyzov Permi: «grazhdanskaya stolitsa» vs. «politicheskoye boloto» [The civic challenge from Perm: “the civic capital” vs. “the political bog”]. *Stilisticheskiye osobennosti permskoy gorodskoy identichnosti* [Stylistic features of Perm city identity]. St. Petersburg: Mamatov Publishing: 195–235 (in Russian).

Ledeneva A. (2018) *Global Encyclopaedia of Informality, Volume 1: Towards Understanding of Social and Cultural Complexity*. London: UCL Press.

Medvedev I.R. (2016) Problemy osparivaniya publichnykh slushaniy (na primere Moskvy) [The problem of public hearing contestation (case of Moscow)]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* [Arbitration and civil procedure], 1: 57–64 (in Russian).

Miryasova O., Clément K. (2008) Ot obyvatel'ya k aktivistu: transformatsiya freyma (issledovaniye zhilishchnogo dvizheniya v Astrakhani) [From philistines to activists: the frame transformation (study of tenants movements in Astrahan)]. *Sotsial'naya real'nost'* [Social reality], 3: 5–23 (in Russian).

Molodikova I., Makhrova A. (2007) Urbanization patterns in Russia in the post-Soviet era. *The Post-Socialist City*. Dordrecht: Springer: 53–70.

Murphy E. (2015) *For a Proper Home: Housing Rights in the Margins of Urban Chile, 1960–2010*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Nosikov A.A., Turygin F.V., Myskin E.B., Pelin A.A. (2017). Protest protiv peredachi Isaakiyevskogo sobora Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi: setevoy analiz i dinamika konflikta na etape yego stanovleniya [Protest against the transfer of St. Isaac's Cathedral to the Russian Orthodox Church: network analysis and the dynamics of the conflict at the stage of its formation]. *Byulleten' Tsentra etnoreligioznykh issledovaniy* [Bulletin of the Center for Ethnoreligious Studies], 1: 65–81 (in Russian).

Pagonis T., Thornley A. (2000) Urban development projects in Moscow: market/state relations in the new Russia. *European Planning Studies*, 8(6): 751–766.

Pavlova M.A. (2017) «Eto nash gorod!»: kul'turnaya sreda Leningrada kak stranstvo politicheskogo soprotivleniya v period «perestroyki» [“This is our city!”: The cultural environment of Leningrad as a space of political resistance in the time of “perestroika”]. *Materialy V Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* [Materials of the V Russian (with international participation) scientific-practical conference of students, graduate students and young scholars]. Ekaterinburg: 79–85 (in Russian).

Perezolova P.A. (2015) Gorodskiy elektronnyy referendum: opyt proyekta «Aktivnyy grazhdanin» [Urban electronic referendums: the experience of the project «Active Citizen»]. *Vlast' [Power]*, 2: 108–113 (in Russian).

Petrova R. (2018) Politizatsiya gorodskikh konfliktov v sovremennoy Rossii: uchastniki, povestka, takticheskoye vzaimodeystviye [Politicization of urban conflicts in modern Russia: participants, agenda, tactical interaction]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political science], 3: 122–136 (in Russian).

Pickvance C.G. (1994) Housing privatization and housing protest in the transition from state socialism: a comparative study of Budapest and Moscow. *International Journal of Urban and Regional Research*, 18(3): 433–450.

Pilkington H., Pollock G. (2015) ‘Politics are bollocks’: youth, politics and activism in contemporary Europe. *The Sociological Review*, 63(S2): 1–35. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12260>.

Pustovoit Yu.A. (2014) Gorodskiy politicheskoye rezhimy: koordinatsiya vnutrielitnogo vzaimodeystviya v krupnykh industrial'nykh gorodakh [Urban political regimes: coordination of intra-elite interaction in big industrial cities]. Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik [Public administration. Electronic bulletin], 46: 85–106 (in Russian).

Putnam R.D. (1993) What makes democracy work? *National Civic Review*, 82(2): 101–107.

Putnam R.D. (2001). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon and Schuster.

Raskhodchikov A.N. (2017) Setevaya reaktsiya gorozhan na masshtabnyye gradostroitel'nyye projekty kak proyavleniye spetsificheskoy formy grazhdanskoy sub'yektnosti [Network citizens reaction to the large-scale urban projects as a manifestation of a specific form of civil subjectness]. *Vlast' [Power]*, 4: 81–86 (in Russian).

Rossiyskiy nepoliticheskoye aktivizm: nabroski k portretu geroya [Russian non-political activism: an outline of the hero portrait]. Otchet o rezul'tatakh issledovaniya

aktivizma v Rossii [Report on the study results of activism in Russia] (2012). Perm: Center GRANI (in Russian).

Rublev D.I. (2014) Opyt grazhdanskoj samoorganizatsii: dvizheniye protiv uplotnitel'noy zastroyki v Moskve, 2007–2008 gg. [The experience of civic self-organization: the movement against infill development in Moscow, 2007–2008] *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 2: 238–248 (in Russian).

Rudolph R., Brade I. (2005) Moscow: Processes of restructuring in the post-Soviet metropolitan periphery. *Cities*, 22(2): 135–150.

Sekirina E.E. (2011) Territorial'noye obshchestvennoye samoupravleniye kak forma neposredstvennoy demokratii (rossiyskiye realii i mirovoy opyt) [Public self-government as a form of direct democracy (Russian realities and world experience)]. *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Social sciences and humanities], 6: 259–273 (in Russian).

Shatalova A.N., Tykanova E.V. (2018) Neformal'nyye praktiki uchastnikov publichnykh slushaniy (sluchay Sankt-Peterburga) [Informal practices of the public hearings participants (the case of St. Petersburg)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(4): 63–84 (in Russian).

Shevtsova I.K., Bederson V.D. (2017) «U vlasti tochka zreniya-molchaniye»: Vzaimodeystviye initsiativnykh grupp i organov mestnoy vlasti v politike gorodskogo planirovaniya [“The government has a point of view-silence”: Interaction between initiative groups and local authorities in urban planning policies]. *Politicheskaya Nauka* [Political Science], 4: 111–136 (in Russian).

Shilov M.P., Yakovenko N.V., Nagovskiy V.K. (2014) Ekologicheskiye kollizii i gradostroitel'nyye konflikty: sistemnyy analiz problem postperestroynogo Ivanova [Ecological collisions and town-planning conflicts: system analysis of the problems in post-perestroika Ivanov]. *Noosfernyye issledovaniya* [Noosphere research], 1(7): 65–90 (in Russian).

Shomina E.S. (1995) Stanovleniye zhilishchnogo dvizheniya v Rossii [Formation of the tenants movement in Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Researches], 10: 78–87 (in Russian).

Shomina Y., Kolossov V., Shukhat V. (2002). Local activism and the prospects for civil society in Moscow. *Eurasian Geography and Economics*, 43(3): 244–270.

Terentyev E.A. (2015) Toponimicheskiy aktivizm i «Pravo na gorod»: sotsiologicheskiye zametki [Toponymic Activism and “the Right to the city”: sociological notes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 1(29): 194–202 (in Russian).

Tev D.B. (2006) Politekonomicheskiy podkhod v analize mestnoy vlasti. K voprosu o koalitsii, pravyashchey v Sankt-Peterburge [Political economy approach in the analysis of local authorities. St. Petersburg ruling coalition revisited]. *Politicheskaya ekspertiza* [Political expertise], 2(2): 99–121 (in Russian).

Tykanova E., Khokhlova A. (2013) Local Communities in St. Petersburg: Politicisation of Claims to Contested Urban Spaces. *Articulo-Journal of Urban Research*, Special issue 4.

Tykanova E., Khokhlova A. (2019) Grassroots urban protests in St. Petersburg: (non) participation in decision-making on the futures of city territories. *International Journal of Politics, Culture and Society* (in print).

Tykanova E.V. Khokhlova A.M. (2014) Trayektorii samoorganizatsii lokal'nykh soobshchestv v situatsiyakh osparivaniya gorodskogo prostranstva [Trajectories of local communities' self-organization in the situations of urban space contestation]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], 2: 104–122 (in Russian).

Tykanova E.V., Khokhlova A.M. (2015) Gorodskoy politicheskiy rezhim v Sankt-Peterburge: rol' real'nykh i voobrazhayemykh «mashin rosta» v bor'be za gorodskoye prostranstvo [Urban political regime in St. Petersburg: The role of real and imagined “growth machines” in the struggle for urban space]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 13(2): 241–256 (in Russian).

Vasiliev S.G. (2016) Gruppa Spaseniya. Kak eto nachinalos' [The rescue mission. The origins]. *Gradozashchitnaya deyatel'nost': uchastniki i istochniki: materialy 9-y nauchno-prakticheskoy konferentsii po informatsionnym resursam peterburgovedeniya* [City-protecting activities: participants and sources. Proceedings of 9th research and training conference on the information assets of Petersburg studies] St. Petersburg: Vladimir Mayakovsky Central City Public Library: 77–95 (in Russian).

Vendina O. (2005) Perspectives for polycentric development of the Russian expanse in the context of globalization. In: Glezer O., Polyan P. (Eds.) *Russia and its regions in the twentieth century. Territory-settlement-migration*. Moscow: OGI: 307–333.

Yerpyleva S. (2017) «Na mitingi ya ne khodil, menya roditeli ne otpuskali»: vzrosleniye, zavisimost' i samostoyatel'nost' v depolitizirovannom kontekste [“I did not go to meetings: my parents would not let me”: Adulthood, dependence and independence in a de-politicized context]. [<http://syg.ma/@ps-lab/na-mitingi-ia-nie-khodil-mienia-roditeli-nie-otpuskali-mnogochiie>] (accessed: 15.03.2019) (in Russian).

Zakirova M. (2008) “Vot zdes' vidno vse!": samoreprezentatsiya gorodskogo obshchestvennogo dvizheniya [“Here you can see everything!”: Self-representation of the urban social movement]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 2: 217–240 (in Russian).

Zerchaninova T.E., Tarbeeva I.S. (2016) Issledovaniye praktiki uchastiya naseleniya munitsipalnogo obrazovaniya «Gorod Yekaterinburg» v mestnom samoupravlenii [Study of the practice of dwellers participation of the municipal formation “City of Yekaterinburg” in local self-government]. In: *Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchnostey, institutov i territoriy: Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Yekaterinburg, 18–20 aprelya 2016* [Strategies for the development of social communities, institutions and territories: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Ekaterinburg, April 18–20, 2016]: Ekaterinburg: Ural University Publishing house: 76–80 (in Russian).

Zhel'nina A.A. (2013) Svoboda ot politiki: «Obychnaya» molodezh' na fone protestov [Free from politics: «ordinary» youth and the protests]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], 4: 139–149 (in Russian).

Zhuravlev O., Savelyeva N., Yerpyleva S. (2014) Individualizm i solidarnost' v novykh rossiyskikh grazhdanskikh dvizheniyakh [Individualism and solidarity in new Russian civic movements]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 12(2): 185–200 (in Russian).

Zhuravlev O. (2015) Inertia of post-Soviet depoliticization and politicization of 2011–2012 [The inertia of post-soviet depoliticization and politicization of 2011–2012].

Politika apolitichnykh: grazhdanskiye dvizheniya v Rossii 2011–2013 godov [The politics of the apolitical: Civic movements in Russia, 2011–2013]. Moscow: New Literary Observer: 27–71 (in Russian).

Zubovich K. (2015) Housing and meaning in Soviet and post-Soviet Russia. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 16(4): 1003–1011.

Zupan D. (2015) Local debates on 'global' planning concepts: the 'compact European city' model in postsocialist Russia—the case of Perm. *Europa Regional*, 22(1–2): 39–52.

Zuykina A.S. (2017) Faktory uspekha i «provala» v deyatelnosti lokal'nykh soobshchestv v situatsiyakh osparivaniya gorodskogo prostranstva (na primere goroda Permi) [Factors of success and «failure» in the local communities activities in situations of urban space contestation (case of Perm)]. *Istoriya permskogo gorodskogo samoupravleniya v XVIII–XXI vv.: genezis, razvitiye, transformatsiya* [The history of Perm urban self-government in the XVIII–XXI centuries: the genesis, development, transformation]. Perm: Novoprint: 85–94 (in Russian).

Zverev A.A. (2017) Politicheskoye izmereniye okhrany pamyatnikov v rossii: keys moskovskogo dvizheniya Arkhnadzor [The political dimension of the monuments protection in Russia: the case of the Moscow movement Arhnadzor]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science], 19(2): 118–129 (in Russian).